

О.В. АФАНАСЬЕВА

Закрытое государство и тупики цивилизации (Институциональный исторический анализ)

В статье рассматриваются становление государства и взаимосвязь социального развития с информационной открытостью государства. Представленный институциональный исторический анализ показывает, что закрытость государства обуславливает неспособность сообщества к устойчивому развитию.

Ключевые слова: информационная открытость, закрытое государство, открытое государство, устойчивое развитие.

The article discusses the formation of the state and the ties of social development with information openness of the state. The institutional historical study finds out that the state Closeness obstructs the capacity of some civilizations for Sustainable Development.

Keywords: information openness, closed state, open state, sustainable development.

Устойчивое, или *поддерживаемое*, развитие следует понимать не как некую готовую к употреблению и тиражированию модель, но как целевую установку социального взаимодействия, в том числе государственного управления, которая акцентирует необходимость постоянного учета основных – экологических, экономических, социально-политических – рисков человеческого развития. В этой связи важно проследить процесс становления государства в контексте сочетания его с процессами социального развития. В противовес открытому¹ под *закрытым государством* я понимаю государство, не имеющее институциональных противовесов собственной тенденции к монополизации социальной власти, информационной закрытости и словесному окостенению.

Информационная открытость человечества

Прежде чем сосредоточиться на государствоведческой проблематике соотношения информационной открытости и социальной власти, выделим реперные точки человеческого развития до начала политической истории. Доисторическую эволюцию человечества, длившуюся не менее 40 тыс. лет, принято называть “первобытным” родовым строем. Вероятно, сам генезис биологического вида *homo sapiens* связан с утверждением *системы родов*, поддерживавших между собой жизненно необходимый взаимобмен, в первую очередь брачный. Из групп взаимосвязанных родов образовывались племена, отношения между которыми представляли собой случайные и регулярные обмены, захваты и войны. Радикальному усложнению структуры социума (табу на ин-

¹ В более широком социально-антропологическом контексте фундаментальная взаимосвязь развития и открытости рассмотрена в [Афанасьева, 2012].

цест, обменные связи родов, системы родства) сопутствовал скачок в информационной открытости человеческих существ и их сообществ – развитая *речь* революционизировала обмены информацией между индивидами, поколениями, родами и племенами. Возникшая таким образом человеческая *культура* стала своеобразным *аккумулятором* социальной и ментальной *сложности*. Более сложные и открытые – для накопления информации и для дальнейшего усложнения – сообщества *homo sapiens* оказались наиболее конкурентоспособными, устойчивыми в развитии, сообществами гоминид. При этом информационная открытость была и остается не абсолютным благом, но *экзистенциальным противоречием* человеческой жизни.

Как и всякое существо, человек стремится к стабилизации своей жизни, которая в случае *homo sapiens* особенно неустойчива с биологической точки зрения. Человек разумный наследовал и развивал искусственную социально-ментальную систему видовой экологической стабилизации. Эта система, которую мы называем культурой, состоит из социальных структур и представлений². Человеческая культура по определению открыта, однако информационная открытость – всегда вызов, сопряженный с рисками социально-ментального кризиса, разрушения действующих структур и представлений, то есть аномии и социального распада.

Естественное стремление людей к стабильности существования реализуется в воспроизводстве естественного, исконного социального порядка, в сохранении его неизменности – закрытости от грозящих хаосом перемен. Однако у наиболее закрытых сообществ – в том числе вполне успешных в определенной экологической нише – формируется не иммунитет, но наоборот, дефицит иммунитета к информационной открытости, происходит ослабление социальной способности к адаптации и самообновлению. В результате неустраняемая информационная открытость человеческого развития становится для таких обществ еще более тяжелой проблемой, фактором системного кризиса. Более открытые сообщества выходят из кризиса посредством инноваций и синтеза – восстанавливают устойчивость через развитие.

Таким образом, информационная открытость человечества требует и задает возможность его социально-культурного (уже не биологического) развития, выступая фундаментальным фактором социально-культурной *дестабилизации*. Одного без другого не бывает. Вкусив плод с древа познания, люди лишились рая. С тех пор умножающий знание умножает скорбь. Отказаться от этого умножения знания-скорби – значит перестать быть человеком.

Следующая реперная точка – возникновение древних *цивилизаций* в IV–III тыс. до н.э. Переход от первобытного строя к цивилизации – радикальное социально-ментальное усложнение человеческой жизни, проявляющееся в возникновении городов, государств и письменности³. К тому времени “передовые” племена прошли долгий путь развития. Первобытные табу (не убий, не укради, не прелюбодействуй) и талион (око за око, зуб за зуб) – эти первичные “мононормы”⁴ человеческих сообществ – по-прежнему крепко держались святостью обычая и силой круговой поруки, которые ретроспективно можно назвать общинным самоуправлением. Но за тысячелетия неолита появились и закрепились в социальной традиции порядки уже не вполне первобытные: вошли в полицейско-военную силу мужские союзы, ускорившие социальное расслоение и корпоративизацию, выделилась богатая, многодетная и влиятельная знать, окрепла власть жрецов и вождей.

Превращение потестарной родоплеменной организации в государство – долгий постепенный процесс, в котором, однако, можно выделить определенный скачок. Воз-

² Структуралистскую концепцию человеческих идей как “коллективных репрезентаций” см. [Дюркгейм, 1996; Мосс, 1996; Леви-Стросс, 2001]. О диалектическом взаимодействии социальных структур и представлений см. [Норт, 2010].

³ Об урбанистическом генезисе цивилизации см. [Де Куланж, 2010].

⁴ Понятие мононормы ввел отечественный этнограф А. Першиц (см. [Першиц, 1979]). В правоведении концепт первобытной мононормы получает дальнейшую разработку в [Алексеев, 1998; Венгеров, 1996; Ковлер, 1997].

никновению государства сопутствовало явление, которого не было в таком масштабе и качестве в доисторической эволюции человечества и которое поэтому можно назвать первым собственно историческим обстоятельством. Неолитическая аграрная революция на Ближнем Востоке (доместикация растений и переход к земледелию) вызвала небывалый рост плотности населения [Массон, 1989, с. 47], следствиями которого стали: интенсификация земледелия на постоянных участках; расселение земледельцев в Азию и в Европу; борьба общин за земли. В то же время накапливаемые земледельческими общинами богатства находились под постоянной угрозой захвата со стороны кочевых племен. Таким образом, политическая история человечества началась с массовых миграций и войн.

Исследуя генезис древнейших цивилизаций, можно обнаружить, что все они возникли на основе *смешения племен*, происходившего в культурных пограничьях, на торговых перекрестках или тлеющих очагах разрушенных культур в результате завоеваний, переселений и колониальных десантов. Именно так возникли Египет, Шумер и Аккад, Финикия, Индия, Китай. Древние цивилизации были отнюдь не первобытными, но “искусственно” созданными сообществами, которые синтезировали разные локальные культуры. Другими словами, цивилизация есть не что иное, как *интериоризация социальной неоднородности*.

Сложносоставные, смешанные сообщества отличались повышенной информационной открытостью и внутренней вариативностью. Возрастание плотности, урбанистическая концентрация и смешивание населения вызвали небывалую интенсификацию информационных обменов и комбинаторики человеческого сознания. *Города* стали центрами социального синтеза и культурного обмена, который теперь мог происходить не только при очном общении, но и заочно – посредством письменности. В результате на культурном фундаменте племенных обычаев, преданий и мифов выросла культура цивилизации: идеологии, писанные законы, корпоративно и дискурсивно профессиональные институты знания.

Культурные инновации и новые институты создали *развитый мир* древности – ряд цивилизаций, возвышающихся над “варварской” периферией. Одной из главных инноваций было государство – специальный институт отправления социальной власти, объединяющий и подчиняющий общины. *Информационный разрыв* между сконцентрированными в городских центрах *посвященными* элитами и *темными* массами усугублял и освящал неравенство социальных статусов, утверждал авторитет нового порядка социальной жизни. Однако конкретно-исторические государства играли и играют очень разные роли в цивилизованном развитии человечества. Во многом это определяется тем, как государство соединяет социальный авторитет с информационной открытостью.

Государство – социальный стабилизатор

Изменившие человеческую жизнь инновации – переход к земледелию на постоянных участках с поддержанием плодородия почв посредством ирригации, паров и удобрений, появление гончарного круга, колесной повозки, металлургии бронзы и письменности – произошли в Месопотамии уже в VI тыс. до н.э. В следующем тысячелетии эти культурные основы цивилизации утверждаются в Азии, Африке и Европе. Гораздо позже, в IV тыс. до н.э., появляются богатые гробницы знати – свидетельства утверждения социальной стратификации и раннего государства [История... 1979, с. 68, 90].

Следует подчеркнуть: важнейшие факторы скачкообразного роста и развития человечества – ирригация и другие фундаментальные инновации – появились и долгое время “работали” без государства. Произошло ли столь же решительное ускорение социального развития с появлением государства в IV–III тыс. до н.э.? Похоже, что нет. Первые цари, выступая в роли военных триумфаторов и строителей каналов, не делали ничего, что не делалось бы до них. Часто они лишь восстанавливали разрушенное при завоеваниях и установлении их власти.

Древнейшие цивилизации Месопотамии, Египта, Индии выглядят неизменными на протяжении всего своего существования. Парадоксальным и загадочным для нас образом вершина их совершенства не достигнута в результате развития, но явлена изначально: сфинкс, пирамиды, сложнейшая обработка камня, инженерия и математика, медицинские операции. История этих цивилизаций представляет собой череду попыток вернуться в золотой век, воссоздать величие Древности. А сменявшие друг друга государства и династии не столько развивают, сколько наследуют и хранят Знание, включающее секрет социального благополучия. Однако с этой задачей справлялись далеко не все династии и государства. В истории Месопотамии, Египта, Индии нет ни государственной, ни этнической, ни языковой преемственности, их история представляет собой череду катастроф, темных веков, возрождений и новых катастроф.

Итак, государство возникло не как институт стимуляции социального развития. Тогда какова же его функция? К. Маркс и Ф. Энгельс (вслед за исторической и этнографической наукой своего времени) определили генезис и сущность государства как функцию классовой борьбы и эксплуатации. В основе этой влиятельной теории лежит факт неразрывной связи государства с социальной стратификацией и борьбой классов.

Позднейшие исследования показали, что генезис государства связан с завоеваниями и установлением господства завоевателей над подданными (см., например, [Карнейро, 2006; Крадин, Скрынникова, 2006; Нефедов, 2008]). Указание на завоевательное, ксенократическое происхождение государства существенно уточняет марксистскую концепцию, оставаясь при этом в общих рамках теории об определяющей роли социального конфликта. Между тем эта теория, при всей ее обоснованности, не отвечает на тот вопрос, который Э. Дюркгейм считал основным вопросом социологии: что удерживает общество вместе? Человеческие сообщества пронизаны конфликтами, но люди стремятся к устойчивому существованию. Государство, возникшее как оружие социального конфликта – геополитической и классовой борьбы, не могло бы стать универсальной формой социальной организации, если бы не соответствовало экзистенциальной потребности людей в стабилизации своего существования, не выполняло бы функцию воспроизводства социального порядка. Государство, построенное исключительно или главным образом на насилии, неустойчиво и недолговечно. Для обеспечения устойчивого социального порядка и военной конкурентоспособности ему необходимо соединять монополию на насилие с социальным авторитетом – то, что М. Вебер называл легитимным правлением.

Веберовская концепция легитимности легко поддается конфликтологической интерпретации, в том числе через понимание идеологии как ментальной формы власти господствующих классов. Первичным основанием легитимности государственной власти выступает *традиция*. Однако традицию, как и иные основания легитимности, не следует сводить к ложным формам сознания, которыми высшие классы индоктринируют подданных. Видеть в традиции исключительно привычку и пропаганду, обожествляющие деспотизм, неправильно. Подобный интеллектуальный уклон грешит существенным искажением предмета. Ибо традиция – ментально-структурное основание социального мира.

Человеческое общество само для себя представляет проблему. Сообщество людей, его воспроизводство и эволюция проникнуты неустраняемыми внутренними противоречиями. Для постоянного их снятия и воспроизводства человеческого общежития необходима некая социальная организация. Первая фундаментальная проблема, с которой имеет дело всякая социальная организация, будь то догосударственные образования или развитые государства, состоит в обуздании врожденного человеческого эгоизма. Порождаемая индивидуализмом человеческая рознь – постоянный источник общественной смуты. Очень выразительно писал об этом один из отцов-основателей США Дж. Мэдисон: “Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца,

в свою очередь делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага” (цит. по [Федералист, 1994, с. 80–81]).

Таким образом, основной функцией всякой социальной организации является социализация индивида, подчинение его социальной власти и, конечно, поддержание всеобщего авторитета такой власти. Проблема, однако, не сводится к подчинению личности коллективу, поскольку индивидуализм – не только неустранимое, но и необходимое начало человеческого существования. Поэтому речь идет о поиске меры в сочетании индивидуализма и коллективизма. Традиционные сообщества, как и современные нации, практиковали и сравнивали разные способы такого сочетания, конкурируя друг с другом, нечаянно открывая или закрывая возможности социального развития.

Последовавший за переходом к развитому земледелию рост плотности населения вел к заполнению экологических ниш и нехватке земли, которая, в свою очередь, побуждала общинников делить общинные земли на семейные наделы, постепенно переходящие в частную собственность. Таким образом, сообщества людей в центрах цивилизации становились одновременно более плотными и более индивидуализированными. Вероятно, этот исторический факт лег в основу оптимистического умозаключения Дюркгейма, полагавшего, что социальная концентрация с разделением труда создает новый порядок “органической”, а не “механической”, как прежде, солидарности более индивидуализированных людей.

Вывод о том, что сама социальная физика крупных и плотных сообществ обуславливает одновременно индивидуализацию людей и “моральную плотность” их общежития, – парадокс, которому трудно найти эмпирические основания. Ведь революционный рост индивидуализма в ранних цивилизациях, безусловно, сопровождался нарастанием внутриобщинных противоречий, ослаблением социальной солидарности и дисциплины. Сегодня мы бы назвали это размыванием общественного капитала.

Ослабление общественной солидарности усугублялось новыми социальными противоречиями, связанными со специализацией и корпоратизацией функций общественного производства и растущим имущественным расслоением общин. Так, с разделением труда и разделением общества на классы возник новый источник общественной смуты, которому предстояло быть определяющим фактором человеческой истории.

К этому нужно добавить войны и набеги, ставшие регулярным бедствием для одних и постоянным промыслом для других. Рознь, крамола и войны – три вызова, на которые, согласно Мэдисону, приходится отвечать государству. Это мало похоже на переход к органической солидарности. Сочетание невиданной индивидуализации, социальной стратификации и постоянных войн, скорее, следует назвать *системным кризисом человечества*, поставившим под угрозу самые основы исконного социального порядка. Социальные последствия технологической революции VI–IV тыс. до н.э. оказались амбивалентными: рост населения, урбанизация, разделение труда, социальная стратификация, закрепление частной собственности, индивидуализация, классовая борьба и войны. Скачок в социальном развитии, создавший цивилизацию, в то же время обнаружил неустойчивость человечества, перед которым встала проблема закрепления разрушающегося социального порядка.

Первобытная общественная магия в исполнении совета старейшин (см. [Фрэнгер, 1998, с. 93–94]) не могла обеспечить необходимую “моральную плотность” новых, зачастую смешанных, быстро разрастающихся сообществ индивидуализирующихся людей. Магия и колдуны остались как почвенная, низовая культура, как “фольклор”, а над ними возникли религии – новые связи, объединяющие новые сообщества. Как социальный институт религия включала градообразующий культ, ритуалы и храм, выступавший ритуально-культовым центром – родным очагом сообщества и его бога. Переход от магии к религии был обобщением прежних родовых культов и в то же время десоциализацией культа, переходом от общедоступной к элитной сакральности: заниматься магией и чтить предков могли все, служить богу – только избранные.

Место колдунов, соплеменников с выдающимися способностями заняли жрецы – профессиональные толкователи божественной воли.

В качестве общественных средоточий храмы наследовали функции родовой общины. Они координировали общественное производство: организовывали ирригационное строительство, заведовали общественными хранилищами, служили центрами обмена и торговли. В то же время храмовая организация сообществ ускоряла их стратификацию, закрепляла и освящала информационный и ресурсный разрыв между массой простолюдинов и знатью, владевшей крупными поместьями и занимавшей высшие общинные должности. Таким образом, храмовые общины относительно быстро превращались в храмовые государства-олигархии.

Судя по всему, храмовые городские сообщества были универсальной формой раннего государства в эпицентрах цивилизации от Крита до Китая. Особую актуальность и силу такая форма имела в регионах ирригационного земледелия: Месопотамии, Египте, Индии. Некоторые исследователи отмечают типологическую близость самоуправляющихся городов Месопотамии и полисов Древней Греции (см. [Дьяконов, 1959, с. 137–138]). На мой взгляд, структурные отличия первых и вторых позволяють говорить, скорее, не об одном, а о разных типах древних городов-государств. Существенную аналогию, действительно, можно проследить, однако усматривать ее следует не столько в типах городских общин, сколько в тех исторических ситуациях, которые в целом ряде случаев способствовали цивилизационным трансформациям и ускорению социального развития. Аналогия состоит в том, что новое качество цивилизации формируется в едином пространстве “перекрестного культурного опыления” множества соперничающих, перенимающих и совершенствующих опыт друг друга сообществ – городов-государств Месопотамии и Египта, полисов Древней Греции и Италии, абсолютистских монархий и городских республик ренессансной Европы.

При этом во всех перечисленных и во множестве иных исторических ситуаций геополитическая борьба за выживание стимулировала военную организацию государства и формирование империй. Возникавшие в очагах цивилизации империи часто подрывали и разрушали цивилизацию, но иногда они ее сохраняли и оказывались конкурентоспособной, доминирующей формой цивилизованного развития. Поэтому наше внимание должно быть сосредоточено не только на дихотомии городов-государств и империй, но на разном качестве цивилизационного синтеза и институционального капитала, которое обеспечивалось в разных империях.

Во всех древних цивилизациях военные вожди (облеченные чрезвычайными полномочиями правители-жрецы либо популярные полководцы), ставшие царями, выполняли, помимо культовой, две важнейшие стабилизационные функции – оборонительно-завоевательную и регуляторную. Так, царь месопотамского города Лагаша Энтемена в XXIV в. до н.э. осуществил первую известную историкам реформу. В соответствии с самой этимологией слова *реформа* (воссоздание формы) ее смысл состоял не в каких-то нововведениях, а в восстановлении “справедливости”. Речь шла об отмене долгов, освобождении должговых рабов и возвращении прежним владельцам проданных за долги земель (см. [История... 1983, с. 200, 208]). Осуществление “справедливости” было частью традиции, впоследствии забытой, а в древности оно проводилось относительно регулярно (при Хаммурапи – раз в семь лет). Кроме того, цари прославляли себя строительством каналов, плотин, храмов и хлебных складов.

В качестве верховных главнокомандующих правители были озабочены сплоченностью и мобилизационной готовностью сообществ, потому осуществляли порой меры, популярные в народе, но не у знати. Конфликт между знатью и царями, пользующимися поддержкой народа, был обычен для Древнего мира. В тех исторических ситуациях, когда основу войска составляли общинные ополчения, монархия могла приобретать военно-крестьянский оттенок. Пример тому – египетские фараоны-воины XIX династии, особенно Аменхотеп IV (Эхнатон), Хоремхеп и Рамзес II. Как бы то ни было, структурной основой цивилизации и сменяющих друг друга государств в Месопотамии и Египте оставались храмовые хозяйства. В разные периоды они то пре-

вращались в бюрократические подразделения централизованных монархий, то становились автономными олигархическими корпорациями. Именно в храмовых хозяйствах создавались ресурсы, перераспределение которых позволяло царям содержать армии, расширять ирригационную сеть и воздвигать архитектурные “чудеса света”.

Государство и развитие: проблема открытости

Несмотря на все их величие, государям Древнего мира никогда не удавалось обеспечить устойчивое развитие. Вплоть до технологической революции Нового времени история человечества определялась главным образом природными факторами: *географической средой* и *демографическими циклами*. Согласно демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна, развиваемой С. Нефёдовым, рост населения приводит к Сжатию и экосоциальному кризису, который заканчивается гибелью значительной части населения и установлением этатистской монархии. В новом цикле Сжатие приводит к росту крупного землевладения и к ослаблению монархии, но следующий кризис обновляет этатистскую монархию и снова ограничивает частное землевладение (см. [Нефёдов, 2008, с. 58–59]).

На естественное течение указанных экодемографических циклов накладываются процессы, порожденные вмешательством двух факторов человеческой культуры. Первый – *технологический*: решающее влияние на эволюцию конкретных сообществ и историю человечества в целом оказывают фундаментальные открытия, их распространение путем завоеваний либо опережающее перенимание открытий, технологий и организационно-деятельностного опыта (см. [Мак-Нил, 2003]). Фундаментальные открытия могут быть военными либо производственными, соответственно, их применение и распространение принимает характер военных и хозяйственных революций. Результатом как тех, так и других может стать расширение вмещающей емкости экологической ниши – территории и объема ресурсов, находящихся в распоряжении сообщества.

При определении второго культурного фактора следует вспомнить арабского философа Ибн Халдуна, который описал двадцатилетние (три поколения) циклы создания и гибели государств, объясняя их вырождением асабии – родоплеменной общины кочевников-завоевателей (см. [Игнатенко, 1980]). Асабия становится господствующим сословием и в таковом качестве постепенно вырождается. В этом процессе можно выделить три аспекта: 1) шейх становится государем и отрывается от соратников, окружая себя местными чиновниками; 2) соратники богатеют, жиреют и забывают о коллективизме; 3) стремление к роскоши вызывает рост налогов, и когда они становятся непосильными для крестьян, начинаются восстания.

Современные историки подтверждают соответствие теории Ибн Халдуна фактической истории многих ксенократических обществ (см. [Коротаев, 2006]). Замечу, что относительно краткий период ксенократии – жизни и распада кочевой общины в завоеванной стране в качестве замкнутого военного сословия – это предельный случай сословного апартеида. Однако и в тех обществах, которые уже пережили некий синтез и не воспринимаются как завоеванные, можно наблюдать “ksenократические” социально-политические эффекты и тенденции к их усилению – тем большие, чем более закрытыми и склонными к насилию становятся правящие элиты и династии. Речь идет о *десоциализации* – монополизации и приватизации социальной власти, когда государи стремятся править самовластно, знать и чиновники превращают в собственность доходные должности, и все они господствуют, “под собою не чуя страны”. Эта тенденция ведет к разложению государства и социальному антагонизму, при которых насилие “сверху” перемежается с насилием “снизу”, – и так до тех пор, пока государство не развалится, либо не будет завоевано, либо не будет реформировано.

Следовательно, если выделять универсальный фактор социальной эволюции (а не только эволюции ксенократических государств, созданных кочевниками), мы должны вести речь не только об ибн-халдуновском законе распада кочевой общины в роли ксенократического сословия, но и об универсальных социальных тенденциях, кото-

рые со значимым эффектом накладываются на экодемографические циклы. Таковыми тенденциями являются неустрашимая крамола (по Мэдисону) или классовая борьба (по Марксу) в обществе и столь же неустрашимая тенденция к монополизации-приватизации государственной власти ее держателями, отчуждению власти от общества. Чуждая обществу власть и крайности классовой борьбы часто способствовали социальной стагнации, разрушению государств, приближали и усугубляли экосоциальные катастрофы.

Указанные тенденции – постоянные социальные риски, кризисогенное воздействие которых особенно сильно и опасно в условиях экодемографического сжатия и обострения борьбы за ресурсы. Эти риски нельзя устранить, но их можно снижать и предупреждать посредством политического регулирования. Другими словами, действие названных тенденций опосредовано государственной организацией и другими социальными институтами. Поэтому второй культурный фактор социальной эволюции следует определить как *институциональный*. Государственные институты могут ограничивать насилие и социальную вражду, способствуя легитимному правлению и общественной солидарности. Сведение же функционирования и эволюции государства к естественному процессу одомашнивания и смены поколений господствующих кочевников свидетельствует о крайней слабости государства как регуляторного института.

Чем обусловлено социальное отчуждение государства в большинстве человеческих цивилизаций? Этот вопрос и ответ на него имеют значение отнюдь не только в историческом контексте. *Государственная стабилизация* общества осуществляется не иначе как через *концентрацию социальной власти* в руках должностных лиц, исполняющих *традиционные функции* внешней защиты сообщества и социального регулирования. При этом государство неизбежно само катализирует социальную стратификацию и становится институциональным источником тенденции к десоциализации социальной власти. Исторически указанная тенденция усиливалась и мультиплицировалась сменяющимися друг друга ксенократиями.

Итак, государство в самом себе несет угрозу социальной деградации. В то же время, поддерживая основанный на авторитете социальный порядок и концентрируя общественные ресурсы, которые могут быть использованы для обеспечения безопасности и иных потребностей сообщества, государство способно позитивно влиять на социальную эволюцию. Следует подчеркнуть, что поддержание основанного на авторитете социального порядка самоценно. Воспроизводство общественной *правды* составляет высшее государственное призвание. *Реформирование* справедливого порядка предполагает умерение социальных конфликтов и соблюдение баланса общественных сил, интересов, целей, ресурсов.

Государственная задача поддержания справедливого порядка в обществе входит в противоречие с тенденцией отчуждения от общества самого государства. Следовательно, для выполнения своего предназначения государство должно быть открытым обществу и удерживаться от абсолютизации собственной власти. Но с учетом того, что концентрация власти *над* обществом представляет собой имманентную сторону генезиса и сущности государства, приведенная выше максима выглядит парадоксом. Разрешение этого фундаментального противоречия лежит на путях выработки, во-первых, соответствующих *представлений*, задающих ориентированную на общее благо интенцию государственной деятельности и ценностные установки общественного мнения; во-вторых, соответствующих *институтов*, синтезирующих необходимую государственную концентрацию социальной власти с необходимой ее открытостью и подотчетностью обществу.

Однако и справедливо упорядоченное общество не гарантировано от перенаселения, дефицита благ и ресурсов и экосоциального кризиса. Поэтому выполнение социально-стабилизирующего предназначения государства наряду с функцией гармонизирующей регуляции общественных отношений предполагает функцию экологической стабилизации растущего сообщества. С самого начала государство, наряду с проблемами социального порядка, столкнулось с проблемами перенаселения, нехватки сельскохозяйственных земель и границ роста сообщества. Можно даже сказать, что государство сформировалось в контексте поиска решений указанной проблемы.

Как уже отмечалось, специфически человеческим способом видовой экологической стабилизации наряду с межвидовой и внутривидовой конкуренцией является социально-культурное усложнение – *человеческое развитие*. Соответственно, и государство, выполняя задачу экологической стабилизации сообщества, выступает не только организационно-деятельностной формой борьбы людей за ресурсы внутри сообщества и между сообществами, но и организационно-деятельностной формой социально-культурного развития.

Всякое здоровое сообщество людей, сталкиваясь с пределами своего роста, пытается расширить эти пределы. Для аграрного общества расширение пределов роста означает, в первую очередь, расширение пригодных для сельского хозяйства земель. Сделать это возможно двумя способами: а) поднять целину, то есть превратить дикие земли в сельскохозяйственные; б) захватить сельскохозяйственные либо еще не обрабатываемые земли соседей.

Первый путь привел к ирригационному земледелию со строительством плотин и оросительных каналов. В Месопотамии впервые была создана принципиально новая, рукотворная и гораздо более емкая экологическая ниша. Но и она, в конце концов, была заполнена. Тогда начались войны за “родную землю”. В войне за землю целесообразно убить как можно больше соседей, чтобы свободных земель было больше, а насельников меньше. По сравнению с соседскими войнами за землю завоевания кочевников, которых интересовала не земля, а дань, представляются куда меньшим злом для завоеванных. Завоевания в условиях заполненной и освоенной экологической ниши были игрой с нулевой суммой. Воюющее человечество в пределах таких ниш не развивалось, а стагнировало: люди стремились не преумножить, а лишь переделить средства существования и истребить конкурентов. Львиная доля государственного ирригационного строительства относилась уже к ремонту либо восстановлению разрушенного.

Сегодня принято считать, что исчерпание возможностей экстенсивного увеличения экономики может и должно подвигнуть людей на изобретение и применение более производительных технологий хозяйствования. Интенсивное хозяйство позволяет увеличивать емкость экологической ниши без ее пространственного расширения. Поскольку государства первых цивилизаций формировались в густонаселенных регионах и сталкивались с проблемой перенаселения, можно было бы предположить, что эти государства будут поддерживать развитие новых технологий. Однако мы не видим ничего подобного ни в Месопотамии, ни в Египте, ни в Индии. Ничего нового, кроме изобретения шадуфа (если он действительно был изобретен в эпоху Нового царства, а не просто широко использован для освоения “верхних полей”), который является все-таки не фундаментальной инновацией, а еще одним техническим средством ирригации.

После изобретения ирригации, больших храмовых хозяйств и письменности (которая появилась, вероятно, из складского учета) Месопотамия и Египет выступали не создателями, а реципиентами фундаментальных инноваций хозяйственного и военного назначения. Металлургия железа, коневодство, верблюдоводство, так же как большие составные луки, стрелы с металлическими наконечниками, мечи и боевые колесницы были изобретены не в государствах, контролировавших очаги цивилизации, а в “варварских” сообществах. Что и позволяло все новым “варварам” регулярно уничтожать “цивилизованные” государства предшествующих завоевателей и устанавливать над местными сообществами следующую ксенократию.

Подведем некоторые итоги. Великие культурные достижения человечества при переходе к цивилизации – ирригационное земледелие, храмово-городская организация сложных сообществ, письменность – были сопряжены с изменением базовых социальных структур: возникают разделение общественного труда, социальная стратификация и частная собственность. Эффекты этих структурных изменений отнюдь не сводятся к культурным достижениям, их обратной стороной была дестабилизация основ человеческого общества растущим индивидуализмом и рознью соплеменников, классовой борьбой, истребительными войнами. Универсальным способом локальной социальной стабилизации стала концентрация социальной власти в специализированных институтах.

Отметим структурно-институциональное сходство исторических государств долины Нила, Крита и Микен, Финикии, Междуречья, долины Инда, долины Хуанхэ – то есть всего древнего “развитого мира”. Это типологическое сходство сохранялось на всем протяжении древней истории от IV тыс. до конца царской власти в Афинах и “Эпохи множества царств” (“Лего”) в Китае. Государство распространялось подобно другим технологическим и институциональным инновациям. Первичные государства возникли в ирригационных цивилизациях – в Месопотамии и вскоре после того в Египте. При этом новые ирригационные ниши человеческого существования были созданы еще до формирования государств. То есть государствам оставалось лишь воспроизводить рукотворные экологические ниши. Наиболее дальновидные и деятельные правители строили новые каналы и осваивали новые земли, однако возможности расширения экологических ниш Нила и Междуречья за счет ирригации дополнительных земель были не столь велики. Главным же поприщем правителей “цивилизованных” государств стала война в целях зачистки населения и захвата земель.

Напрашивается парадоксальный вывод: мощные импульсы человеческого развития наблюдаются в условиях самой ранней цивилизации и еще слабых, мелких, относительно эгалитарных государств. Сильная государственная организация с большей концентрацией социальной власти была востребована в военно-политических целях, однако не дала заметного ускорения развития. Государство обеспечивало сбор налогов, ведение постоянных войн, воспроизводство ирригационных систем, то есть обеспечивало функционирование общества на новых структурных основах. Именно функционирования, но не развития.

В целом государство первых цивилизаций оказалось плохим оператором социального развития. Это проявляется в обратимости позитивных социальных изменений, в циклическом функционировании цивилизованных сообществ, где социально-культурные подъемы всегда заканчивались государственным распадом и экодемографическими катастрофами.

Сам способ социального существования людей посредством взаимного уничтожения с целью передела кормовой базы и монопольного контроля над ней доминирующего сообщества вряд ли стоит того, чтобы называть его человеческим развитием. Даже те сообщества, которые жили в рукотворных экологических нишах первых цивилизаций, стараясь сохранять, воссоздавать и расширять эти очаги высшей культуры, по-прежнему исполняли роль приматов – самых активных обитателей биогеоценоза, чья жизнедеятельность в целом подчиняется популяционным законам биоты. Подобное существование, так и не вышедшее за рамки *функционирования* элемента биогеоценоза, не является еще в собственном смысле социальным развитием.

Дефицит поддерживаемого развития – свидетельство низкой способности государств первых цивилизаций к введению инноваций. Показательно, что “цивилизованные” государства практически не инициировали фундаментальные открытия и технологические инновации в своих сообществах и даже не могли быстро перенимать инновации у других народов. Такая косность стала ключевым фактором гибели сменяющих друг друга государств древности.

Низкая способность государства поддерживать развитие связана с мощной тенденцией к консервации и окостенению системы разделения труда и господства верхних классов. Государство быстро стало проводником и самостоятельным институциональным источником тенденции стратифицированного общества к *закрытой иерархии*. Показательными примерами последовательно консервативной, архаизирующей социальной стабилизации могут быть арийская Индия и дорийская Спарта.

Доминирование тенденции к закрытию власти и окостенению социального порядка в первых цивилизациях, вероятно, связано с ксенократическим характером исторических государств. Однако сменяющие друг друга завоеватели, грабя и разрушая города, не разрушали самих социальных структур и, устанавливая свое господство, использовали уже существовавшие “цивилизованные” институты. Следовательно, эти

институты, как минимум, не препятствовали, а даже способствовали социальному окостенению вместо социального развития.

Итак, созданные человеческой цивилизацией государственные институты, чья функциональность для стабилизации иерархического социального порядка, с одной стороны, и явная недостаточность для поддержания социального развития – с другой, доказаны историческим опытом человечества. Когда первые римские императоры заимствовали из бывших эллинистических монархий, ставших римскими провинциями, институты сакральной царской власти и бюрократического управления, они заимствовали тысячелетний государственный опыт древних цивилизаций, позволивший превратить Римское государство в мировую империю. Однако всемирно-историческое значение институционального наследия греко-римской Античности определяется не этими заимствованиями, а национальными инновациями самих греков и латинян. Именно эти институциональные инновации оказались ключом к устойчивому развитию, поскольку решение проблемы социального развития заключается в институционализации открытого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С.С.* Теория права. М., 1998.
- Афанасьева О.В.* Информационная открытость и проблема устойчивого развития // Вопросы философии. 2012. № 2.
- Венгеров А.Б.* Теория государства и права. Ч. 1. Т. 1. М., 1996.
- Де Куланж Ф.* Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М., 2010.
- Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
- Игнатенко А.А.* Ибн-Хальдун. М., 1980.
- История Древнего Востока. М., 1979.
- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983.
- Карнейро Р.Л.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
- Ковлер А.И.* Юридическая антропология как учебная дисциплина. *Homo juridicus*. Материалы конференции по юридической антропологии. М., 1997.
- Коротаев А.В.* Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001.
- Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев–М., 2003.
- Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- Нефёдов С.А.* Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
- Перишц А.И.* Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.
- Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1998.